

В МИРЕ ИСКУСТВ

СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА
РЕЖИССЕРОВ

Минувший театральный сезон в Москве открытиями не блистал. Но критики, словно сговорившись, называли два режиссерских имени, с которыми связывали беспорочные удачи: Яновская и Гинкас.

Они познакомились четверть века назад на вступительных экзаменах в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. Георгий Товстоногов, который в том году набирал свой курс, как-то сразу выделил из группы абитуриентов молодого артиста из Литвы Каму Гинкаса и ленинградку Генриетту Яновскую, имевшую диплом техника-радиолокационника и весьма приблизительные знания о театре.

... Раннее детство Гинкаса прошло в созданном немецко-фашистскими оккупантами каунаском гетто (родился он в 1941 году, и родители нарекли его древнееврейским именем Кама не случайно — его дед был раввином). Мальчик чудом остался жив: его спасла Софья Бинкене, жена известного литовского поэта. Ее квартира превратилась в своеобразный перевалочный пункт, через который прошли многие евреи из гетто. Может быть, поэтому Гинкас долгие годы собирает страшное досье — документы и фотографии о фашистских зверствах, считая их «топливом» для своей работы. Наверное, он прав: художника питает неравнодушие к жизни, к ее трагическим и героическим периодам.

Генриетта — из семьи потомственных ленинградских интеллигентов. Родители мечтали видеть дочь инженером, а она, порабатовав взрывником на карьерах Кольского полуострова, решила поменять профессию...

Закончив институт, молодые режиссеры уехали работать в Красноярский театр юного зрителя. Благодаря интересным постановкам (на афише ТЮЗа появились Шекспир, Мольер, русские классики), известность театра перешагнула границы Сибири, и его пригласили на гастроли в Ленинград. После успешных выступлений супруги решили остаться в Ленинграде. Но работы для них в те печальной памяти застойные годы не нашлось — более десяти лет Яновская и Гинкас были, по сути дела, отлучены от театра.

Они ставили один-два спектакля в год, и каждая работа обвинялась в безысходности и пессимизме, острота режиссерского почерка раздражала чиновников от культуры; за супругами, словно шлейф, следовали эпитеты «элитарные», «рафинированные», «эстетские».

Их отлучили от театра на десять долгих лет. Жить было

очень трудно. «Если вы — не дай бог! — окажетесь в подобной ситуации, — сказал Кама, — вы научитесь вязать и будете одевать заказчиков в «фирменные» вещи. Будете приводить в порядок мебель, которую ленинградцы, зараженные модой на «стенки», выбрасывали на свалку, и обставляли ею квартиру. Будете приобретать на городской барахолке вещи по неправдоподобно низкой цене и превращать их в современные туалеты. Главное — не озлобиться. В злобе терять себя, а мы хотели сохраниваться».

Генриетта руководила самодеятельным драматическим коллективом, Кама много работал «за стол» — делал инсценировки, сценические композиции. Некоторые из них сегодня обретают право на жизнь. Так, на международном фестивале малых форм «Театр в чемодане», который проходил в Софии в конце 1987 года, композиция Гинкаса в его постановке «Пушкин и Натали» имела большой успех. Режиссер и исполнитель Виктор Гвоздичкий получили приглашение показать моносpectакль в США и Швеции, Польше и Югославии, ФРГ и Греции.

Несколько лет назад Олег Ефремов на свой страх и риск пригласил Гинкаса во МХАТ, и он показал «Вагончик», который потряс театральную Москву. В основе — пьеса Нины Павловой, с почти документальной точностью воспроизводя судебный процесс над «трудными» подростками. Спектакль жесткий, аскетичный, я бы даже сказала, некрасивый. Обшарпанные декорации, все неустроено, неуютно... На сцене подсыдаемых — девочки, избившие свою подружку. Девочки, а уже озлобленные, жестокие. Девочки, а судьбы уже искалеченные. Кто виноват в этом? Гинкас создал спектакль-обвинение, спектакль-протест. Он одним из первых задал вопрос: легко ли быть молодым?

Чуть позже в Московском театре имени Моссовета с благословения его руководителя Павла Хомского выходит «Вдовой пароход» (инсценировка повести И. Грековой), где Яновская с потрясающей силой рассказала о трагической судьбе женщины военного лихолетья.

Разноречивые мнения вызвала недавняя работа Гинкаса на сцене МХАТа (он принят в штат коллектива) — пьеса Александра Галина «Тамада».

... Действие пьесы происходит в ресторане. Здесь «гуляет» свадьба. Для отца невесты этот день — итог его жизни: все не хуже, чем у других. Для собравшихся гостей главное — престижный ассортимент закусок, туалеты приглашенных. Но веселья нет. Все сквазяны, неестественны.

«Мы разучились радоваться, — говорит Гинкас. — Мы не умеем выразить свои чувства и порой неосознанно наносим друг другу раны».

По замыслу режиссера роли гостей (их более сорока) отданы массовке, а обслуживают гостей звезды МХАТа. Это Екатерина Васильева — ресторанный певичка, Александр Калинин — «человек-оркестр», Владимир Симонов — штатный тамада.

«Я сделал это сознательно, — говорит Гинкас. — С подобной дисгармонией приходится сталкиваться и в реальной жизни. Есть служба — Родине, любимой, а есть служба — безрадостная, пустая, равнодушная».

Событием, одним из самых ярких в прошлом сезоне, стал спектакль «Собачье сердце», поставленный Генриеттой Яновской по повести Михаила Булгакова в московском ТЮЗе, который она сейчас возглавляет.

Театр, в который пришла Яновская, долгое время был в творческом зastoе, атмосфера там сложилась непростая. Когда Генриетте впервые предложили стать главным режиссером, она ответила: «Неужели я похожа на самоубийцу? Но потом... согласилась. Думаю, что такое решение она приняла потому, что никогда не любила легких путей, считая, что трудности существуют для того, чтобы их преодолеть».

Встретили ее в театре, прямо скажем, неласково. Около двадцати актеров в знак протеста отказались получать зарплату, бойкотировали репетиции. Они плохо знали нового главного. Яновская ни с кем не вступала в конфликт, не спорила, она просто работала так, как привыкла, как умеет — отдавая всю себя. Она решила пойти на отважный поступок, выбрав для своего дебюта произведение, пролежавшее «на полке» полвека, не имеющее сценической истории. И одержала победу. Зрительный зал московского ТЮЗа давно не слышал таких оваций, давно не слышал такой тишины...

— Режиссура весьма изобретательна и темпераментна, — делился своими впечатлениями от спектакля академик Андрей Сахаров на страницах журнала «Театр». — За фантастическим сюжетом видится гуманистическая мысль о благородстве интеллекта, о том, что невозможно прививать культуру скоропалительным, хирургическим методом».

Недавно спектакли «Вагончик» и «Собачье сердце» представляли советское театральное искусство на фестивале московских театров в Мюнхене. И, как информировала «Советская культура», представили достойно.

Е. ЗОНИНА.
(АПН).